

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ЧАСТЬ I.....	9
ПАЛЯНЫЦА. РАДИО ПАША.....	11
ДАРЫ ВОЛХВОВ. ПЕТЯ.....	75
ДОЧЬ САМУРАЯ. СЕРЁГА.....	106
А ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА. АЛЕКСЕЙ.....	134
ТЕЛЬНЯШКА. ДЕД.....	205
ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ. БОРЯ.....	219
ИДРИЦА. ВИКТОР.....	256
КЛЮЧ ОТ ОКНА. КАЗБЕК.....	266
ЧАСТЬ II. ВМЕСТО P. S.....	317
МОЯ ВОЙНА. ВАНЯ.....	319
МЫ ПОГОВОРИЛИ.....	327
ПОГОВОРИЛИ. РАДИО ПАША.....	347
МЫ ВМЕСТЕ. ВМЕСТЕ ПОБЕДИМ.....	380
ТРИ ЗВОНКА. ПЕРВЫЙ ВТОРНИК ПОСЛЕ ПОБЕДЫ.....	394
ОТ АВТОРА.....	409
БЛАГОДАРНОСТЬ.....	410

ПРЕДИСЛОВИЕ

В московском военном госпитале на всех дверях отпечатался лик Богородицы. Смотришь в стекло — видишь лик. И понимаешь, что всё не зря. Что ты — под покровом. Видео промелькнуло во всех соцсетях. Тут и неверующие поверят.

В госпитале в Петербурге на дверях лика не было. Я шла по гулким коридорам днём — окна палат нараспашку, жара.

Лица не было.

Шла по пустым гулким коридорам после отбоя, в 23:00.

Лица не было.

Но ощущение присутствия было твёрдым. Незыблемым. Иначе не было бы никакой возможности выстоять. Ни мне, ни им, моим бойцам.

Лица не было. Но он — незримый — был. Просто видео не выложить.

...Эти истории громоздятся во мне. Не помещаются. Их герои говорят тихо, а то и вовсе не говорят. Стонут, стиснув зубы. Отворачиваются к стенке. Улыбаются. Смотрят в сторону окна. Матерятся. Извиняются. Говорят: «Полегче, Ира. Полегче. А вот здесь оставь руку,

не убирай. В правильную точку попала. Держи так, меня отпускает».

Заваривают мне чай. И растворимый кофе.

...А я не пью растворимый кофе никогда. У меня от него изжога.

В госпитале пью. И никакой изжоги.

Дают шоколадку в дорогу: «Передай дочке!» Суют в ладошку деньги: «Ир, поздно уже. Вызови такси, не надо тебе на метро сейчас». И, когда я уже стою в дверях, говорят: «Слушай. Прости. Ещё раз потрогай колено. Пожалуйста».

И я возвращаюсь. Не смотрю на часы. Не думаю о времени. Делаю своё дело.

А потом, спустившись на лифте вниз, стою на перекрёстке указателей: «Приёмный покой», «Реанимация», «Кладовая» — задумавшись, куда идти.

Больничный полумрак. Людей нет. Стрелки «Выход» нет.

Но выход есть. Я стою. И вижу в конце коридора женщину. Просто женщину, не Богородицу. И понимаю — туда. Через двери, на которых не отпечатался лик. Но где все защищены.

Кивок охраннику на выдохе: «До свиданья». И я уже на улице.

Полная темнота. Такси мчит меня по улицам города. За рулём мужик лет сорока пяти.

— Вы из госпиталя? И как там? Как ребята? Какие вести с передка? Знаете, у меня дома

рюкзак собран. Стоит в углу. Я в любой момент готов пойти, если мобилизуют. И сам готов, добровольцем. Сейчас только глаз долечу, а то из-за воспаления зрение падает. Дочке у меня пять лет, будет к кому возвращаться.

Я молчу.

Новое время проживает моя страна. Новое время проживают люди.

Такси мчит меня домой. Тишина. Только голоса моих героев звучат у меня внутри.

Сегодняшние голоса.

...Действие первой части этой книги происходит с ноября 2022 года по август 2023-го. В ноябре я впервые вошла в госпиталь и ощутила почерк Бога в Книге Судеб — в лице старшей медсестры.

Она сказала:

— Вам надо в шестую палату. Но все бойцы на процедурах. Так что идите в четвёртую. Дмитрий у нас самый тяжёлый в отделении. Навредить вы ему не сможете. Приступайте!

Так я познакомилась с Димой. С Радио Пашей. С Петей. Лёшей Волной. Серёгой, что звал меня Дочь Самурая. Дедом.

Вместе с героями книги я переходила из госпиталя в госпиталь. Из госпиталя на Фонтанке — на Загородный, в отделение протезирования, а оттуда — в Госпиталь для ветеранов на Народной.

Тогда мы верили, что война скоро закончится. Что надо потерпеть.

ИРИНА БУГРЫШЕВА

Тогда мы не знали, что путь к Победе окажется таким длинным. Но шли по нему честно, с верой в Бога, с верой в Россию, с верой в наш русский народ.

С августа 2023 года утекло много воды — и в Неве, что рядом с госпиталем на Народной, и на Фонтанке, где находятся два других госпиталя. Вторая часть книги расскажет, куда привели нас наши непростые пути.

ЧАСТЬ I

Каждый третий давно контужен,
Каждый первый войною бит.
Но пока эти парни служат,
Мир шатается, но стоит.

Дмитрий Филиппов

ПАЛЯНЫЦЯ. РАДИО ПАША

Гомон, гогот, гвалт южного города. Я называла этот белый шум палаты № 4 — «Радио Паша».

Радио «Паша» не смолкало никогда.

С утра до вечера.

Возможно, оно не смолкало и ночью, но этого проверить я не могла.

Павел. Паша.

Паша умудрялся говорить со всеми сразу. С соседом по койке Андрюхой (оторвало руку, пять часов шёл до госпиталя с нестерпимой болью и кое-как наложенным жгутом на плече), с ютубом, с медсестрой, со мной. Попутно Паша болтал по телефону — похоже, с тремя абонентами зараз.

Паша хохотал, возмущался, в речи слышались солёные морские словечки, между ними проскакивали междометиями «Тю!» и «А шо такое?».

Паша был невыносим со своей бесконечной болтовней. Минут семь. Пока ты погружался в атмосферу палаты. Дальше было невыносимо без Паши. Смолкало Радио «Паша», и ты оглядывался — всё ли в порядке?

Столько было жизни в этом гомоне, в этой обезоруживающей улыбке и честности.

— Все знают официальную версию — спрыгнул с бэтээра, перелом ноги, — объяснял Паша. — И никто не понимает, почему тогда я лежу в госпитале в Питере. Никто ж не в курсе про ампутацию...

Паша — пулемётчик.

Я смотрю на него и всё понимаю.

Быстрый. Юркий. Меткий. Его хохоток, смелость и дерзость поддерживали многих на войне. Прикрывали. И спасали.

Паша молчит. Ничего не говорит про оторванную ногу. Я не спрашиваю.

Но я слышу Пашино «Тю!» — и сердце захватывается.

«Тю!» — это голос из Таганрога. Нет, не так — *Таханроха*.

«Тю!» — это голос мальчишек из моего детства. Казаки-разбойники, догонялки, очереди за мороженым в парке и квасом — около кинотеатра «Родина».

«Тю!» — это босые пятки — так и сверкают вдали на чей-то выкрик: «*Сейчас хлудину возьму!*»

«Тю!» — это вызов жизни. И не с таким справлялись. Что уж тут.

Тю!..

Такими ногами, как у Паши, не по земле ходить. По горам скакать.

Но в Таганроге нет гор.

В Таганроге такие ноги нужны лазать по вишням и яблоням. Залезать на гараж, обрывая абрикосы и черешню. Сидя на раскалённой крыше — болтать ими в воздухе, с хохотом спуская вёдра с урожаем на землю: «Полундра! Принимайте!»

Бежать — и успеть! — на электричку.

Идти полчаса по мелкому Азовскому морю — пока не станет хотя бы по пояс.

Крутить педали велика. И жать педаль газа на мотоцикле — р-р-раз, и ты на другом конце города!

Я работаю с Димой. Начштаба батальона. Сегодня Дима самый тяжёлый в отделении: ампутация ноги, осколочные ранения в живот, таз — по всему телу.

Несколько операций. Перебитый седалищный нерв.

Дима военный до мозга костей. Воюет с 2014-го безостановочно. Луганск, Донецк, Сирия.

Вместе с Димой воюет жена Галя. Сейчас она сидит рядом и дышит вместе с Димой — и за Диму.

Он выжил. Теперь они вместе справятся со всем.

Дима лежит на койке. В серой пижаме — под цвет питерского дня. Лицо его тоже серое. Но серый цвет обманчив. Дима сильный.

Он рассказывает, как много раз уходил от смерти.

— У кошки девять жизней. Я как кошка. Хотя понимаю, что много жизней уже израсходовал. В Сирии вообще не знаю, как выжил: бегу, пули свистят справа, слева, сверху, снизу; артиллерия работает. Добежал. Смотрю на себя и не верю — не ранен! Как так? Было же предчувствие. Уйму парней мы там потеряли — а я вернулся.

И в этот раз так же. Я выводил батальон из окружения. Сели на паром — уже, считай, в тылу. И тут ракета. Взрыв, темнота. Пять двухсотых, двадцать пять трёхсотых. Открываю глаза — вижу рядом свою ногу в берце. Перемотал культю жгутом. И понимаю вдруг про себя: я давно был к этому готов — остаться без ноги.

Дима лежит бледный. Поворачивается медленно. Сил у него ещё немного.

Дима лежит — огромный в моих глазах. В моих глазах у него на груди медали-ордена. И сил у него хватит на десятерых. Он ещё и не из таких переделок выходил.

Дышит глубоко. Спазм цепляется за все мышцы. Осколки не дают простроить импульсам правильные дорожки. Спотыкаются.

Дима дышит. Он выбрал жизнь. Вариантов нет.

— Дим, какой у тебя позывной?

— Бармак. Это фамилия деда. Сила моего рода.

Я думаю про силу русского духа. Не мифическую, из былин и сказаний. А ту, что у меня под руками.

Радио Паша трещит рядом. Трещит, как на Новом вокзале Таганрога.

Я сдаюсь.

— Паш, ты откуда?

Могла не спрашивать.

— Таханрох, — говорит Паша. И смотрит на меня хохочущими глазами. Будто могли быть сомнения.

Не было сомнений.

В моём таганрогском ДНК тут же всё всколыхнулось: бабушкин двор, соседи, друзья из класса, звон трамваев, шелуха семечек, трубы металлургического завода...

— Я тоже, — киваю я.

В следующую секунду Паша докладывает телефону:

— Слышь, кароч. Тут девушка пришла сейчас, массажистка. Тоже из Таханроха. Прикинь?

Я улыбаюсь глазами. Губами, кажется, тоже.

Дима дышит. Ему больно. Но сейчас ему легче.

...Легче, когда никто не смотрит в его боль —
когда вокруг жизнь.

Я говорю Паше:

— У меня есть рассказ про Таганрог. Хочешь?

Паша кивает:

— Давай!

Дима дышит. Вдыхает жизнь. Выдыхает боль. Пробирается через портал войны.

Говорит про бой, где он заменил командира, про то, как выбирались из окружения. Что-то говорит про пятисотых.

Я переспрашиваю:

— Пятисотые?

— Дезертиры, — кивает Дима. — На любой войне такие есть. Начинается бой, и они бегут. Страшно. Не понимаю таких. Ладно, когда уже бой идёт, там правда страшно, там могу понять.

— А я не могу, — вступает Паша внезапно жёстко. — Перед боем — пусть валят, это ладно. Но когда я в бою луплю и понимаю, что сзади и слева я прикрыт двумя бойцами — я спокоен. А когда я оборачиваюсь и понимаю, что сзади никого — это трындец.

Кажется, Паша говорит другое слово.

Я вспоминаю «А зори здесь тихие»: *Трусость, девчата, во втором бою только видно...*

— Нет, — говорит Паша в трубку, — не надо! Ну что ты имеешь в виду? Что такое «самое необходимое»? Зубная щётка и паста? Всё есть. Нет, я не голый тут лежу. Да в смысле, откуда вещи?! Понятно, когда в реанимации лежал, был голый — а сейчас всё есть! Нормально одет. Штаны, футболки. Еда, питьё, открытки от детей, тапочки... В смысле, тапочек. Всё есть. Тут волонтеры. К нам приходят, делают массаж. Всё хорошо! Тю! Не надо ничего!

Паша заканчивает разговор и тут же, без паузы, говорит мне:

— Классный рассказ, спасибо. Я будто дома побывал. Особенно вот это...

Паша начинает читать вслух. И не может остановиться.

Моё сердце накрывает горячей волной: когда твой текст про Таганрог читают на таханрохском диалекте — это особенное счастье....

— Здесь — если веришь в Бога, впрочем, это неважно, — нужно носить очень тяжелый золотой крест. На очень толстой золотой цепи. Если такой крестик как у меня — на такой цепочке как у меня — это ни к селу, ни к городу. Таганрожцам вообще непонятно, как меня Бог заметит с таку-у-у-усеньким крестиком...

Он улыбается.

Я смотрю на него. У Паши обычный крестик. Но зато верёвочка завязана под горло —

так, что не снимешь. Не потеряешь. Что бы ни случилось.

Не очень удобно делать массаж с такой веревочкой на шее. Зато Бог рядом, и не оставит ни при каких обстоятельствах.

Паша читает про мой Таганрог. И оказывается в своём Таганроге.

— Здесь полдвора засыпано сливами. Здесь ругаются соседи по утрам. По ночам — включают звёзды. Под звёздами очень вкусно есть арбуз и пить «Балтику». А ещё по ночам я ем виноград — на огромном блюде. И где-то далеко гавкают собаки. И темнота — выколи глаз. А потом звезды выключают и включают солнце. И утром только жестяные банки от вчерашнего пива напоминают, что «Балтика» — это там, где Балтика. И семь футов под килем — тоже там, а здесь — Таганрогский залив. Очень мелко: три часа — и всё по колено. У нас, конечно, есть пиво «Дон» и «Арсенальное». Только почему-то все пьют «Балтику»...

Паша замолкает. Хочет отложить телефон. Но не может:

— Здесь под вывеской «HOTEL BRISTOL» расшифровка: «Гостиница Центральная». Здесь в главном кафе «Красный мак» пирожные по 26 рублей. А на базаре — как в Одессе: «Женщина! Пойдите! Чёрный цвет — это ж КОРОЛЬ!» И говорят не «фасоль» — «ФАСОЛЯ». Здесь вообще колоритно говорят: на таком южнорусском наречии, с элементами

украинского — и с неслабой экспрессией. Про волосы говорят, как в пословице: *«Волос долог, да ум короткий»*. Или: *«А у тебя раньше волос длиннее был. А теперь — совсем короткий волос»*. И море — по-настоящему пахнет морем: рыбой, раками, портом, моряками — и снова морем. И солнце в море садится, кстати. И оттуда же встает. Здесь не говорят — я скучаю по тебе. Говорят — за тобой. Знаешь, я за тобой скучаю. Поэтому я скоро вернусь.

Паша молчит. Скучает за всеми. За всем Таганрогом.

Я вспоминаю день, когда я писала эти строки.

Я взяла тогда отпуск от жизни. Уволилась с работы. Приехала в бабушкин дом — он был выставлен на продажу. Ходила по городу. Прощалась с ним.

Ветер мёл листья; был сентябрь, ещё не холодно — по питерским меркам вообще тепло. Но в груди я чувствовала кусок льда; тогда я ещё не пила коньяк из фляжки, что всегда с собой, не знала, как растопить лед. Только позволяла себе отпуск от жизни, чтобы определиться с приоритетами — и вернуться.

— Хорошо возвращаться, когда тебя ждут, — читает Паша.

И оказывается рядом со мной в кафе у Старого Вокзала, у старинного паровоза, где назначают свидания.